

Воспоминания Тращенко Е.

Родилась я в Калининской области в Зубцовском районе. В 1941 году окончила 7 классов, на каникулах работала в колхозе. И когда радио принесло горькую весть о вероломном нападении фашистской Германии на нашу Родину, через неделю нас, школьников и женщин, колхоз направил на строительство Оборонительных рубежей. Примерно в августе нас, детей, направили домой, ибо враг продвигался на восток. Как только приехала я в свою деревню, колхоз направил меня и других таких, как я (с нами были еще ветеринарный врач, работник милиции, пожилой мужчина и женщина), эвакуировать колхозный скот на восток в Ивановскую область. Сейчас трудно себе представить такую картину, что все колхозы Калининской области гнали скот на восток. Шли сплошные гурты скота, шли с утра до вечера, на ночь останавливались около деревень накормить скот и подоить. Шли, наверное, месяца два. Скот сдали с небольшими потерями (ослабевший сдавали в колхозы по пути) в Ивановскую область. На обратном пути мы расстались и пошли кто куда. Ребята сразу в действующую армию около гор. Калинина пошли.

Со мной была лошадь, запряженная в телегу, но я домой не попала, т.к. к этому времени наша деревня была уже оккупирована немцами. Я стала проситься у военных, чтобы взяли меня в армию, но меня никто не хотел брать, ибо я была «маленькая». Так продолжалось долго. Скоро уже зима, а я все не в удел. Потом сообразила: надо прибавить себе год рождения. И вот мне повезло: меня взяли. Потом долго надо мной шутили, что я с приданным, т.е. с лошадью и телегой. Я боялась их бросить. Это же колхозное добро. Попала я в стрелковую 274 дивизию в медсанбат №336. Была я не военная, а просто работала на кухне. При медсанбате был дивизионный дом отдыха. Солдаты по две недели отдыхали, когда дивизия стояла в обороне. В декабре пошли в наступление от Москвы по направлению на город Ржев и Зубцов. В обороне перед этими городами стояли до марта 1943 года. Перед наступлением подходит ко мне капитан Иватов, заместитель командира батальона по политчасти и говорит, чтобы я написала рапорт и меня зачислили военнообязанной. И вот с марта 1943 года я солдат. 23 марта 1943 года наша дивизия освободила город Ржев. Целый месяц мы продвигались с боями на запад. В оборону встали под городом Ярцево Смоленской области.

Помню наш батальон располагался в лесу около деревни Малиновка. Стояли в обороне до сентября 1943 года. В сентябре пошли в наступление. Освободили город Ярцево (наш дивизия стала называться 247 Ярцевская стрелковая дивизия). 11 сентября взяли Смоленск. Трудно представить сейчас военные дороги в весеннюю и осеннюю распутицу в Калининской области и на Смоленщине. Кругом болота. Как тяжело было нам с ранеными. Они мокрые, грязные (да некоторые не желали

расставаться с винтовкой и патронами), надо их скорей переодеть, умыть, чтобы на операционный стол уложить чистыми.

В лесах действовали партизаны. Немец сжигал все деревни, освобождали название населенного пункта. В деревне стояли одни трубы, да печи. Нам приходилось располагаться только по лесам. Приезжаем, сразу начинаем расчищать место, чтоб установить палатки и для себя блиндажи рыть. Первым долгом Хирургические палатки, чтобы быстро приступить обрабатывать поступающих раненных. В операционной иногда работало 5-6 операционных столов, и это продолжалось сутками без сна. Работали все от санитаров, а они были у нас из команды выздоравливающих, до ведущего хирурга. Приходилось очень часто работать под бомбежкой и артиллерийским обстрелом. И что характерно, у нас за себя не было страха, каждый старался успокоить раненного, ибо он себя чувствовал беспомощным, лежа на операционном столе. Можно нарисовать в воображении такую картину: операционная палата, на каждом столе лежит раненный, ему делают операцию. Около него: у головы тот, кто дает наркоз, справа врач, делающий операцию, рядом с ним сестра или сандружинница светит ему (не электрической лампочкой, а коптилкой, сделанной из гильзы небольшого снаряда, фитиль-лента и керосин). Светить не каждый мог, надо было очень хорошо следить за движением рук хирурга. Врач-ассистент, рядом с ним сестра, которая подает хирургические инструменты, а в ногах санитар. И вот слышать летит снаряд: те, что стоят около стола, все как по команде укрывают собой лежащего на столе. Часто приходилось под бомбежкой грузить раненных на машины для транспортировки в госпиталь.

Помню наше расположение было в одной уцелевшей двухэтажной школе возле шоссе Смоленск-Москва. В медсанбате скопилось много раненных, ждали из штаба армии автобусы для эвакуации, а в воздухе то и дело появлялся самолет-разведчик. Машины прибыли, мы стали выносить и вывозить раненных и тут налетело более десятка вражеских самолетов и стали бомбить, хотя прекрасно видели на машинах красный крест. Тяжело сейчас представить то, что нам пришлось пережить. Бежать в траншею, спасти себя, а раненных бросить? Это невозможно, это трусость, это предательство, и вот мы были рядом. Конечно, кое-кого не досчитались среди раненных и среди нас.

Я вела дневник с первого дня войны, он был всегда со мной, но, к моему большому сожалению, он пропал вместе с фотокарточками в госпитале, когда мне сделали операцию. Остался один комсомольский билет, ибо его я всегда хранила при себе.

Много приходилось видеть смертей, хоронить товарищей, приходилось писать их родным извещение о смерти. И много получала писем с просьбой описать поподробнее о последних днях жизни, о характере ранения, где захоронен. И мы ни одного письма не оставляли без ответа, хотя нам было делать это очень тяжело. Но

придерживались правила: «горькая, но правда». Пусть о своем близком человеке знают все.

Ф.Р-1395, Оп.4, Д.83